

якобы должна спокойно и адекватно оценить не только саму угрозу, но и начало и конец атаки. При этом она может убегать или защищаться голыми руками, не хватая нож, камень или другие предметы.

Схожие предрассудки бытуют в среде медиков и полицейских, рассказала РБК юрист «Зоны права» Валентина Грязнова. Из-за этого в некоторых случаях история насилия в семье изучается очень поверхностно. В суды поступают дела, построенные «не на фактах, а на предубеждениях», что влияет на приговор.

Правоохранителей зачастую интересуют исключительно показатели раскрываемости. Поэтому обвинение предъявляют по максимально тяжелой статье. А суды не всегда проверяют обстоятельства, доверяя следствию. Из-за этого в двух аналогичных случаях подсудимым могут вынести совершенно разные приговоры.

Кроме того, инстанции не считают семейное насилие длительным нарушением прав человека и многолетней травмирующей психику ситуацией. Агрессию и насилие относят к «личным неприязненным отношениям» между супругами. А издевательства, предшествующие смерти насильника, считают ссорой, конфликтом или дракой. В ряде уголовных дел побои вообще называли привычным и обыденным для подсудимой явлением.

Месть и оговор

В делах об убийстве во время самообороны судьи действительно не всегда объективны, согласна правозащитница Алена Попова. В этом плане показательно громкое дело сестер Хачатурян, жестоко расправившихся с отцом-мучителем летом 2018 года. От девушек ждали образа идеальных жертв. Но то, что они не падают в обмороки на заседаниях и не бьют себя в

грудь в глубоком раскаянии, заставляет некоторых людей сомневаться, а была ли вообще агрессия со стороны отца, хотя факты насилия уже доказаны.

«Долго бытовал стереотип, что если женщина заявляет о насилии, то она хочет навредить более ресурсному мужчине. И до сих пор он есть. Если насильник — какой-то известный человек, то женщина якобы его хочет до трусов раздеть. Мы эти аргументы слышим сплошь и рядом. Периодически и сотрудники полиции так говорят. Еще частый аргумент, что она мстит за что-то», — отметила Попова.

Нередко мужчины-правоохранители испытывают гендерную солидарность с насильниками. В то время как судьи-женщины имеют предубеждение против жертв, считая, что, рассказами о побоях и издевательствах, те просто оговаривают агрессоров. Почему это происходит, сказала Попова, правозащитники не понимают.

«Очевидно, сказывается долго ходящая стигма нашего общества „дура сама виновата“, с которой нужно бороться введением, например, специальных образовательных или квалификационных программ для судей. Это очень сильно меняет мировоззрение людей», — пояснила правозащитница.

Легкое на тяжкое

Есть и мелкие, малоизвестные широкому обществу случаи. В Бурятии сын-алкоголик девять лет избивал и насиловал свою мать. Впервые это произошло, когда женщина лежала со сломанной ногой. Во время очередной попытки изнасилования она не выдержала, схватила нож и воткнула в грудь мучителя. Лезвие пробило легкое и сердце, и тот умер. А пенсионерка, пишет Baikal-Daily, получила наказание, хотя и мягкое, — полтора года ограничения свободы за убийство в состоянии аффекта.

В данной ситуации приговор несправедлив, уверена Попова. По ее мнению, женщина защищалась в пределах статьи 37 УК РФ о допустимой самообороне, что разъясняется в одном из пленумов Верховного суда. Но часто следователи или прокуратура действительно квалифицируют дела по более тяжким статьям.

«Концепция пленума заключается в том, что если жертва постоянно находится в ситуации, когда к ней применяют насилие, то она как заложник с террористом. Поэтому у нее широкое поле возможностей. Судьи и правоохранители знают о существовании такой статьи в Уголовном кодексе и о таком пленуме. Но они почему-то очень часто предпочитают не замечать 37-ю статью УК РФ и квалифицируют как превышение пределов необходимой самообороны или убийство», — заключила она.

Историческая предвзятость

Психотерапевта Владимира Файнзильберга не раз приглашали экспертом на такие процессы. По его наблюдениям, судьи часто бывают предвзяты к жертвам насилия и не учитывают заключения специалистов. Бывает, что результаты психолого-психиатрических экспертиз оказываются бесполезными и никому не нужными.

«Существует предвзятое мнение, которое является довлеющим над мнением судьи. Звучит оно примерно так: дыма без огня не бывает, и раз это дело дошло до суда, значит, несомненно, есть виновный. Виновного назначают волевым усилием, не всегда разбирая суть дела», — рассказал «360» Файнзильберг.

Из-за исторически сложившейся главенствующей роли мужчины самооборона женщин от насилия часто оборачивается против них самих. Система защиты от агрессии в России развита гораздо слабее, чем в Европе и тем более в США, хотя за последние 20 лет страна и общество сделали большой шаг вперед в этом направлении, отметил Файнзильберг.

Разница в приговорах

Российское законодательство защищает женщин чуть в большей степени, чем мужчин, убежден адвокат Алексей Гавришев. Это наблюдается в вопросах назначения алиментов, выбора родителя, с которым остается ребенок, и в тех же делах о семейном насилии. Однако расхождения судебных решений в схожих случаях действительно есть.

«У нас не прецедентное, как в США, право. Но все же есть определенные принципы права. И, самое главное, пленумы Верховного суда дают разъяснения о том, что решения нужно принимать исходя из принципа единообразия судебной системы. Однако здесь есть проблемы. Особенно ярко они выражены в судах общей юрисдикции», — пояснил «360» Гавришев.

Иными словами, стремление к единообразию рассмотрения дел есть, но получается так не всегда. Диаметрально противоположные приговоры выносятся исходя из фактических обстоятельств конкретных преступлений. Они бывают разными, но учитываются судами в совокупности. Из-за этого абсолютно одинаковых решений в делах о семейном насилии быть не может, но само расследование должно быть максимально объективным и единообразным.